

УДК 947:39(470.621)
ББК 63.3(2Ады)
Ч-91

Чунтыжева Рима Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета, тел.: 89604377677.

ИДЕЯ ЛИДЕРСТВА В АДЫГСКОМ ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОСТРЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В СЕРЕДИНЕ XIX В.
(рецензирована)

Данная статья посвящена исследованию процесса появления в адыгском обществе в середине XIX в. лидеров. Анализируется обусловленность стремления адыгов к единовластию под воздействием форм этнического самосознания социально-экономических, общественно-политических и внешних факторов, связанных с Кавказской войной.

Ключевые слова: набеговая система, «демократические» общества, общественное регулирование, лидерство, Хаджи-Магомед, Сулейман-Эфенди, Сафер-бей Зан, Магомед-Амин.

Tchuntyzheva Rimma Vladimirovna, Cand. Hist. Sci., assistant professor of the department of history and law at the faculty of information systems in economics and jurisprudence, Maikop State Technological University, Tel.: 89604377677.

THE IDEA OF LEADERSHIP IN THE ADYGH SOCIETY IN THE CONDITIONS OF THE MILITARY-POLITICAL AGGRAVATION ON NORTHWEST CAUCASUS IN THE MIDDLE OF XIX CENTURY

The given article is a research of leaders' appearance process in Adygh society in the middle of XIX century. The aspiration for autocracy of Adyghs is analyzed under the influence of ethnic consciousness of the social, economic, political and external factors connected with the Caucasian war..

Keywords: attack system, "democratic" societies, public regulation, leadership, Hadzhi-Maghommet, Sulejman-Efendy, Safer-bey Zан, Maghommed-Amin.

Поиск новых путей общественного регулирования у адыгов активизировался в середине 50-х гг. XIX в. В условиях меняющейся социально-экономической и политической жизни адыгов возникла потребность в более совершенной форме управления обществом. Народное собрание, имевшее столь давние традиции в Черкесии, не отвечало потребностям общественного развития, исчерпав свои возможности как структура переходного типа, так и не став эффективным механизмом управления. Необходимость реорганизации общественного регулирования определялась целым комплексом задач, связанных с социально-экономическими и политическими изменениями в обществе. Чувствительный толчок этим процессам давало «объективное» присутствие России на Северо-Западном Кавказе, что накладывало заметный отпечаток на характер общественных явлений.

Развитие всех сфер экономической жизни черкесов (земледелие, скотоводство, торговля, ремесла, набеги) закономерно приводило к увеличению избыточного общественного продукта, естественным следствием чего стало неравномерное распределение материальных благ. Обозначились изменения в развитии поземельных отношений: индивидуальное начало с течением времени брало верх над коллективным,

творя свою разрушительную работу над патриархальными устоями, что вело к утверждению частной собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями [1].

В поступательном развитии адыгского общества особая роль принадлежала набеговой системе, сопровождавшей на переходном этапе все социальные процессы в Черкесии [2]. Речь идет о том факте, что наряду со сложившимися уоркскими родами на социальную авансцену выдвигались старшины из тфокотлей, возглавлявшие военные набеги. Широкий размах практики набегов придавал высокую социальную мобильность «обществу» тфокотлей: набеги значительно ускорили его разложение и образование двух общественных сил – рядовых тфокотлей и старшинской знати [3].

Старшинской знати «демократических» обществ удалось сосредоточить в своих руках (по праву «почетных лиц») значительное количество земли и зависимых соплеменников и получить в системе общественного производства на Западном Кавказе равное место с уоркскими сословиями. Неустойчивость социальных позиций этого сословия становилась особенно заметной перед лицом набиравшей силу старшинской знати. Все эти явления разрушали «патриархальную гармонию», создавали напряженность в социальных отношениях.

В условиях войны с Россией наиболее рельефно проявились изменения в политической сфере. В военном быту горцев особую значимость приобретала фигура военного предводителя. В его появлении были заинтересованы все слои адыгского общества. Вооруженная сила, подчинявшаяся воле одного человека, была необходима как наиболее оптимальный вариант регулирования усложнявшихся общественных отношений [4].

Проблема осложнялась тем, что кроме властных институтов традиционной политической системы, трансформации подвергался и комплекс политических представлений о лидерстве и авторитете. Характерной особенностью периода войны являлась устойчивая тенденция на дезавуирование власти высшего сословия во всей Западной Черкесии, отправной точкой которой послужил «демократический переворот» конца XVIII в., а в дальнейшем ведущим фактором стал исламский [5].

Другим важнейшим фактором в подрыве авторитета местных лидеров являлась российская политика по отношению к знати. Постоянное российское военное присутствие в регионе и переход князей в подданство России лишали адыгскую знать в глазах их подданных статуса независимых правителей, обладающих политической, военной и судебной властью.

Княжеский авторитет подрывали и военные столкновения с российскими войсками, в моменты которых на первый план выдвигались воинские таланты вождя, поскольку за конфронтацией следовало очередное замирение. В связи с этими тенденциями общество вынуждено было пересматривать устоявшиеся взгляды на лидерство, несмотря на то, что у адыгов оно имело достаточно развитую историческую преемственность. В этом смысле особую познавательную ценность представляет проблема вписанности явления лидерства в общемировые процессы. Известно, что лидеры по-разному вписывались в общественные процессы, но при этом одинаково символизировали готовность общества к переходным изменениям. Однако степень восприятия предлагаемых перемен складывалась в зависимости от зрелости социально-экономического и политического уровня общества [6].

Опыт адыгов показал, что идея лидерства была характерна для политического мышления общества переходного от догосударственного состояния к государственному. При наличии местных лидеров перспектива общественного переустройства связывалась с идеей единого лидера.

В контексте исследуемого вопроса наиболее существенными представляются условия возникновения лидера в различных социальных группах, его взаимоотношения с реальной властью, формы поддержания лидером своего авторитета, проявления в экстремальной ситуации, традиции представлений об идеальном лидере. В подобных

условиях лидером мог стать человек иноземного происхождения, не связанный с местными страстями, раздорами, соперничеством и амбициями отдельных групп. Такая фигура имела шанс объединить и повести за собой разобщенные горские общества [7].

Анализ источников позволяет утверждать, что в Черкесии новый лидер появился в обстановке, благоприятствующей деятельности единовластного вождя. Готовность народа к дальнейшим переменам в общественном устройстве объяснялась рядом объективных причин. Прежде всего, необходимо отметить имеющийся в общественной практике адыгов традиционный опыт народных собраний, послуживший исходной основой для будущих преобразований. В известной степени эту почву подготовила и деятельность Хаджи-Магомета и Сулеймана-Эфенди, развивших идею общественного переустройства [8]. В этом контексте немаловажно выделить опыт государственного строительства на Северо-Восточном Кавказе, воодушевивший адыгов и спроецировавший их сознание на необходимость перемен и возможность их реального воплощения. Народ испытывал стремление к изменениям, проявляя готовность к их восприятию, но отсутствие политического единства, мешало их осуществлению.

Осознанное намерение адыгов принять единовластие отражалось в многочисленных просьбах к имаму прислать к ним своего наиба. Новые просьбы депутации подкрепил со своей стороны секретарь Шамиля, Мирза Амирхан Чиркеевский, посоветовавший не оставлять абадзехов в беде, но сам уклонившийся от предложения переселиться к ним в должности наиба. Так же поступили и другие лица из окружения Шамиля [9]. Желание взять на себя столь ответственное дело выразил лишь присутствовавший во время переговоров Магомед-Амин [10].

Серьезным препятствием к установлению единовластия и достижения единства адыгов явилось развернувшееся противостояние между главными лидерами на Западном Кавказе Магомед-Амином и Сефер-бей Заном [11]. Идея лидерства в адыгском обществе приобретает новое звучание. Магомед-Амин и Сефер-бей Зан были выразителями различных интересов в обществе. Сефер-бей был сторонником существующих у адыгов порядков и традиций, получая основную поддержку со стороны князей и дворян, в то время, как Магомед-Амин стремился к переустройству народного управления на демократических началах, отражая интересы низших сословий [12]. Магомед-Амин являлся для Сефер-бея пришельцем, носителем чуждой адыгам идеологии. Государственная система, созданная Магомед-Амином у адыгов, подтачивалась изнутри действиями Сефер-бея Зана, назначенного Мустафа-Пашой руководителем черкесов. С прибытием Зана из Турции положение наиба изменилось не в его пользу.

Проблема лидеров заключалась в неспособности объединить освободительные потоки под общим началом. Осуществлению главной цели помешали личные и идейные противоречия между Магомед-Амином и Сефер-беем Заном. Разногласия коренились в вопросе о формах политического союза адыгов. Оба черкесских лидера сошли со сцены, оставив для потомков много вопросов вокруг своих имен [13]. В итоге, устойчивые традиции патриархальной демократии, сохранивший авторитет древний институт власти - народное собрание, свойственная адыгам разобщенность помешали установлению единоличного начала, что придало бы большую цельность и функциональность системе управления в адыгском обществе.

Литература:

1. Покровский М.В. Адыгские племена в конце XVIII – первой половине XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1958. С. 138. (Труды института этнографии АН СССР).
2. Жуков Е.М. О роли социальной революции в процессе смены общественно-экономических формаций // Формация и социально-классовые структуры. М., 1985. С. 12.
3. Покровский М.В. Адыгские племена в конце XVIII- первой половине XIX вв. Краснодар, 1989. С. 318 ; Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи // ЗКОИРГО. 1903. Т.22. С. 216.
4. Карлгоф Н. Магомет-Амин // Кавказский календарь на 1861 г. Тифлис, 1860. С. 83.
5. Губжоков М.Н. Эволюция традиционной политической культуры западно-адыгских княжеств в период Кавказской войны // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 1. С. 68.
6. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 236.
7. АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 948.
8. Панеш А.Д. Деятельность Хаджи-Магомета и Сулеймана-Эфенди на Северо-Западном Кавказе (1842 – 1846 гг.) // Черкесия в XIX в. Майкоп, 1991. С. 105.
9. Руновский А. Записки о Шамиле. Махачкала, 1989. С. 146.
10. Там же. С. 144 ; АКАК. Т. 12. С. 1417, С. 1522 ; Казам-Бек М. Мохаммед-Амин // Русское слово. 1860. № 6. С. 237.
11. Карлгоф Н. Магомет — Амин ... С. 99 ; Фелицын Е. Князь Сафербей-Зан // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. 10. С. 83 ; ГАКК. Ф.260. Оп. 1. Л. 38.
12. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска : в 2 т. Екатеринодар, 1913. С. 543.
13. Покровский В. Из истории адыгов в конце XVIII- первой половине XIX вв. Краснодар, 1989. С. 295-296 ; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 260. Л. 1.